

DOI 10.35775/PSI.2025.75.10.010

УДК 327

К.А. ЛАРИОНОВА

аспирант кафедры Политология
Дипломатической академии Министерства иностранных дел
Российской Федерации; координатор проекта в
АО «Росатом энергетические проекты»,
Россия, г. Москва
E-mail: kamik909@mail.ru
SPIN-код 7435-7115
ORCID ID 0009-0003-5614-8215

Научный руководитель:

Р.Н. ШАНГАРАЕВ

доктор политических наук, кандидат экономических наук, доцент,
доцент кафедры стратегических коммуникаций
и государственного управления Дипломатической академии
Министерства иностранных дел Российской Федерации;
главный редактор журнала «Вестник ученых-международников»,
Россия, г. Москва

ОТ «ТУРЕЦКОГО ПОТОКА» К ХАБУ: КАК ЭНЕРГЕТИКА ОСТАЕТСЯ СТЕРЖНЕМ РОССИЙСКО-ТУРЕЦКИХ ОТНОШЕНИЙ

Статья представляет обзорно-аналитическое исследование эволюции российско-турецкого энергетического взаимодействия от магистралей «Голубой поток» и «Турецкий поток» к проекту формирования газового хаба на базе турецкой инфраструктуры. Концептуальная основа объединяет теорию региональных комплексов безопасности Б. Бузана, интерпретации взаимозависимости (Р. Кеохэн, Дж. Най) и неореалистское понимание контроля над критическими ресурсами (К. Уолтц). Показано, как санкционные ограничения и разрушение северо-западных транзитных каналов сократили долю поставок в Европу и переориентировали экспорт России на южно-восточные направления, усилив позицию Турции как распределительного центра и участника конкурирующих маршрутов в Восточном Средиземноморье. Рассмотрены институциональные и инфраструктурные элементы модели хаба (трубопроводные сети, СПГ-мощности, ПХГ), логика «конфликтной кооперации» Москвы и Анкары, а также ядерные проекты – прежде всего ВОО-модель на АЭС «Аккую» – как источник выгод и уязвимостей, связанных с владением стратегическими активами на территории государства-члена НАТО. В аналитической части обоснованы условия жизнеспособной управляемой взаимозависимости: сочетание долгосрочных контрактов и спотовой гибкости, прозрачные правила доступа и тарификации, согласование инвестиционных решений с целями энергоперехода. Делается вывод о закреплении энергетики в роли системообразующего

фактора двусторонних отношений и потенциале хэбовой модели как механизма регулирования потоков и снижения транзакционных издержек в евразийском геоэкономическом контексте.

Ключевые слова: российско-турецкие энергетические отношения, газовый хаб, конфликтная кооперация, Восточное Средиземноморье, диверсификация ЕС, ядерная энергетика, энергопереход.

Введение. Российский нефтегазовый комплекс выступает фундаментом национальной энергетики, обеспечивая основу экспортных потоков и международного сотрудничества, оставаясь стратегическим элементом экономики страны. Как отмечает М.В. Глинская, в то же время именно энергетический сектор одним из первых оказался под воздействием санкционного давления: это проявилось как в 2014 г., так и в 2022-2023 гг. [6. С. 124]. Международные отношения после нефтяного кризиса 1973 г. сопровождалось формированием новых категорий, таких как глобальная и региональная энергетическая безопасность, энергетическая политика государств и дипломатия в сфере энергетики. Однако ведущая роль энергетики проявляется не только в экономике и политике, но и в экологической сфере: на нее приходится около 78% всех выбросов парниковых газов, связанных со сжиганием ископаемого топлива и промышленными процессами [2. С. 92, 93]. После подрыва газопроводов «Северный поток» и «Северный поток-2» Россия полностью остановила их использование, что привело к сокращению поставок газа в Европу с 40% до 7%. На фоне СВО это обусловило переориентацию экспортных маршрутов на южные и восточные направления, включая Ближний Восток и АТР, в первую очередь Китай, Индию, а также Иран и Турцию [17. С. 85]. Трансформация российской энергетической политики в условиях санкционного давления и экологических вызовов демонстрирует не только ее адаптивность, но и способность задавать новые векторы международных экономических и политических взаимодействий.

Теоретико-методологические основы исследования. В оптике ИМО отправной точкой служит теория региональных комплексов безопасности Б. Бузана: речь о соседствующих государствах, чьи угрозы и уязвимости переплетены в географически очерченных зонах. Опираясь на эту рамку, А. В. Белый вводит понятие региональных энергетических комплексов – сетей взаимодействий двух и более государств внутри определенного региона, где взаимная энергетическая зависимость и ее восприятие трактуются как параметры безопасности [20. С. 10, 11]. В логике Кеохэна и Ная взаимозависимость понимается как взаимные эффекты между акторами, делающие государства и общества чувствительными/уязвимыми к внешним событиям. В неореалистском ключе К. Уолтц связывает взаимозависимость с высокими издержками разрыва отношений; симметрия снижает вероятность конфликта, тогда как асимметрия подпитывает напряженность [32. С. 182]. Либеральный подход предсказывает устойчивость кооперативного равновесия «win-win», когда ни одна сторона не заинтересована в отклонении от согласованных стратегий. Реалистская традиция, напротив, акцентирует зависимость стран-потребителей от российской энергии и неравномерность потенциальных потерь при выходе из равновесия [31. Р. 442, 443]. Совокупность теоретических подходов – от региональных комплексов безопасности до концепций взаимозависимости – показывает, что энергетика становится не только

экономическим ресурсом, но и структурным фактором, формирующим баланс сотрудничества и напряженности между государствами.

В неореалистской традиции, представленной К. Уолтцем, государство в анархичной международной системе рассматривается как актер, стремящийся к усилению влияния и обеспечению безопасности через контроль над критически важными ресурсами, включая энергетику. Подобная логика обосновывает необходимость многомерного анализа энергетических отношений, где геоэкономический аспект занимает ключевое место: энергетическая стратегия России во многом строится как инструмент достижения более широких политико-экономических целей [22. С. 326, 328]. Для Турции геоэкономические расчеты проявляются в Средиземноморском регионе, где противоречия с соседними государствами стимулируют поиск новых логистических маршрутов, сочетающих транспортные и энергетические интересы, что соответствует приоритетам Партии справедливости и развития. Введение концепции «Голубая родина» (Mavi Vatan) закрепило морское пространство – Черное, Мраморное и Средиземное моря – в качестве сферы нетрадиционного геоэкономического влияния, где концентрация энергетических и транспортных узлов усиливает значение Турции [1. С. 60]. Энергетический баланс Анкары демонстрирует ее уязвимость: высокая зависимость от импорта вынуждает турецкое руководство активно искать альтернативных поставщиков углеводородов, чтобы снизить роль России и Ирана. При этом, по мнению С.А. Притчина, несмотря на ограниченные инвестиции в добывающие и инфраструктурные проекты Каспийского региона и Центральной Азии, Турция после распада СССР сумела превратиться в одного из главных бенефициаров масштабной геополитической перестройки и запуска новых энергетических маршрутов [15. С. 26, 32]. Сопоставление российских и турецких стратегий показывает, что энергетика встраивается в более широкую геоэкономическую логику, где контроль над потоками ресурсов превращается в инструмент перераспределения влияния и закрепления новых центров силы.

Эволюция российско-турецкого энергетического взаимодействия. Дипломатическая история России и Турции насчитывает более века: ее современный этап отсчитывается от договора об основах отношений, подписанного 25 мая 1992 г. и вступившего в силу в 1994 г. При этом энергетическое сотрудничество началось раньше: уже к 2016 г. было реализовано два крупных проекта, первым из которых стал Трансбалканский газопровод, открывший возможность для поставок российского газа и положивший основу дальнейшей энергетической дипломатии [11. С. 125, 126]. Истоки межгосударственных контактов восходят к 1492 г., когда Московское княжество и Османская империя установили отношения, пережившие последующие войны, которые в совокупности длились почти семь десятилетий. Обе державы, возникшие в одно историческое время, распались после Первой мировой войны, но их траектории различались: СССР был выстроен большевиками на новых политических основаниях, тогда как Турция в течение почти века стремилась встроиться в западную модель развития [7. С. 219, 220]. За последние три десятилетия взаимодействие между странами получило институциональное оформление в ряде соглашений, включая договор об избежании двойного налогообложения, документы о сотрудничестве в сфере туризма и таможенного взаимодействия, а также совместное заявление о снятии торговых ограничений [9. С. 217]. Историческая преемственность и институ-

циональная база российско-турецких отношений создали условия, при которых энергетика стала не эпизодическим элементом сотрудничества, а его системообразующим фактором.

Проект «Голубой поток», построенный для прокладки российского газа по дну Черного моря, стал важным шагом в укреплении российско-турецких отношений и позволил Москве поставлять топливо без участия транзитных стран. На его основе были реализованы более масштабные инициативы: в частности, «Турецкий поток», обеспечивающий как внутренние потребности Турции, так и транзит газа в Европу, что усилило стратегическую роль Анкары [3. С. 60-62]. После отказа от проекта «Южный поток» в декабре 2014 г. Россия и Турция подписали Меморандум о взаимопонимании по строительству нового газопровода через Черное море. В сентябре 2016 г. Анкара одобрила строительство подводной части «Турецкого потока», а в октябре министры энергетики А. Новак и Б. Албайрак заключили соглашение о его функционировании [24. С. 227, 229]. На политическом уровне проект получил дополнительное измерение: Анкара стремится превратить страну в региональный газовый хаб, активно ведя разведку на шельфе Черного моря. Для России это означает возможность сохранить объемы поставок в Европу, несмотря на изменения в европейской энергетической политике. Статистика подтверждает жизнеспособность идеи: только за первые 10 недель 2024 г. экспорт газа через «Турецкий поток» вырос на 40%, превысив 3 млрд кубометров [5. С. 117]. Эволюция от «Голубого потока» к «Турецкому потоку» продемонстрировала, что газовые магистрали превратились из технических проектов в стратегический механизм, одновременно укрепляющий двустороннее сотрудничество и формирующий амбиции Анкары по превращению в региональный энергетический хаб.

Российское участие в турецком энергосекторе охватывает поставки газа и нефти, ценовые преференции, содействие формированию газового хаба и вовлеченность в крупные инфраструктурные проекты – от магистралей до АЭС; при этом одобренная в 2010 г. атомная станция «Синоп» к 2024 г. так и не перешла к стадии строительства. История проекта отражает череду попыток Анкары привлечь партнеров из Южной Кореи, Японии, Франции и ОАЭ, а в марте 2024 г. – вернуться к переговорам с Россией [4. С. 57, 62]. Ключевым организационно-финансовым новшеством стало применение «Росатомом» на АЭС «Аккую» модели ВОО («строительство – владение – эксплуатация»), при которой российская сторона сохраняет контрольный пакет и фиксированный тариф на электроэнергию, принимая на себя финансовые, строительные и операционные риски. Наряду с технологическими и рыночными эффектами, как отмечают К. Шулецки и И. Оверланд, этот формат поднимает и вопросы безопасности: речь идет не только об уязвимостях энергетической системы, но и о факте российского владения стратегической инфраструктурой на территории государства-члена НАТО [33. С. 414, 415]. Опыт сотрудничества в атомной энергетике показывает, что проекты типа «Аккую» выходят за рамки энергетики, превращаясь в инструмент долгосрочного контроля и фактор стратегической уязвимости в отношениях России и Турции.

Турция как будущий газовый хаб. Существующие маршруты российского газа – «Голубой поток» и «Турецкий поток» – обеспечивают как внутренний спрос Турции, так и ее претензии на роль распределительного центра, способного влиять на ценовую политику. В распоряжении Анкары уже семь экспортных

газопроводов, трубопроводные поставки из России, Азербайджана и Ирана, два СПГ-терминала, две плавучие установки регазификации и два подземных хранилища [10. С. 3502, 3507]. По заявлению турецкого руководства, именно регион Фракии рассматривается в качестве базы будущего хаба: здесь заканчивается «Турецкий поток» и начинается «Балканский поток», направляющий газ в Грецию, Болгарию, Сербию и Северную Македонию. Потенциальная мощность хаба оценивается в 77 млрд куб. м ежегодно, а при подключении туркменского газа (30 млрд куб. м) и объемов «Голубого потока» (16 млрд куб. м) общий показатель может достигнуть 123 млрд куб. м [19, с. 207, 211]. Энергетическая стратегия Турции строится на двойной логике: с одной стороны, обеспечение собственной безопасности и устойчивого развития, с другой – максимальное использование географического положения для транзита энергоресурсов и укрепления роли регионального центра. Существенное значение имеет и Южный газовый коридор, объединяющий Южно-Кавказский газопровод («Баку – Тбилиси – Эрзурум»), TANAP и TAP, который связывает ресурсы Каспия с европейскими рынками [8. С. 29, 31]. Совокупность трубопроводной инфраструктуры, проектов СПГ и транзитных маршрутов превращает Турцию из обычного импортера в претендента на статус ключевого узла региональной энергетической архитектуры.

Восточное Средиземноморье в последние десятилетия стало ключевым направлением энергетической политики Турции и превратилось в зону высокой напряженности. В 2019 г. здесь был создан Газовый форум Восточного Средиземноморья, куда вошли Кипр, Египет, Греция, Израиль, Италия, Иордания и Палестинская национальная администрация; уже в 2020 г. Израиль, Кипр и Греция подписали соглашение о строительстве газопровода в ЕС [13. С. 110, 113]. Ответом Анкары на формирование этого альянса стали соглашения 2019 г. с ливийским ПНС о военном сотрудничестве и морской демаркации, позволившие Турции претендовать на богатые углеводородами акватории. В основу такой политики легла доктрина «Голубая родина», получившая официальный статус в 2016 г. и закрепившая право Турции на участие в определении маршрутов новых газопроводов: по соглашению с Ливией 2019 г. трасса EastMed должна была проходить по турецкому континентальному шельфу, а не по водам Греции и Кипра [14. С. 2, 4]. Соперничество в Восточном Средиземноморье показывает, что борьба за маршруты транспортировки энергоресурсов для Турции стала не только вопросом энергетической безопасности, но и инструментом утверждения геополитического влияния.

Баланс сил: Россия, Турция, ЕС и новые игроки. Россия занимает лидирующее место среди поставщиков энергоресурсов для Европейского союза: в 2017 г. на нее приходилось почти 39% импорта угля, около 30% сырой нефти и значительная часть потребляемого газа. В то же время ЕС, оставаясь одним из крупнейших мировых потребителей газа, стремится обеспечить низкие цены и стабильные поставки, формируя для этого несколько направлений политики: создание единого энергорынка, сокращение зависимости от российского газа и диверсификация источников импорта [32. С. 187, 195]. Современная архитектура энергетической торговли между Россией и ЕС по-прежнему строится на взаимозависимости, но предпринимаемые Союзом шаги по диверсификации направлены на снижение возможностей Москвы использовать энергетику как инструмент внешнеполитического давления [28. С. 94]. Энергетическая взаимозависимость России и ЕС,

обеспечивавшая долгие годы их сотрудничество, постепенно трансформируется в поле стратегической конкуренции, где ключевым фактором становится способность Союза диверсифицировать маршруты и источники импорта.

Россию и Турцию роднит статус крупных держав, чьи исторические, культурные и географические связи с Европой остаются неполностью признанными самой Европой. М. Бардакчы обращает внимание, что даже на фоне сближения после попытки переворота 2016 г. формирование подлинного стратегического партнерства затрудняют расхождения в геостратегии, ограниченная экономическая «емкость» России как партнера, асимметрия отношений и сопряженные с ней риски безопасности, сохраняющееся ключевое значение НАТО для Анкары и несовместимость политических систем [21. С. 536]. Согласно исследованию О.А. Хлопова после 2014 г., при одновременной поддержке прав крымских татар и развитии связей с Украиной, Турция не присоединилась к санкциям США и ЕС, а Москва стала опираться на турецкое направление для экспорта газа в обход Украины; в 2022 г., оставаясь членом НАТО, Анкара отказалась закрывать воздушное пространство и вводить односторонние ограничения, признавая лишь санкции Совбеза ООН [18. С. 253, 256]. Позиционируя себя между Западом и Россией, Турция использует гибкость внешней политики как инструмент сохранения автономии, превращая энергетическое сотрудничество в рычаг балансировки противоречивых союзнических и региональных интересов.

Несмотря на разворот к партнерам за пределами западного мира, Россия остается тесно связанной с Европой: ее экономические, политические и экологические цели трудно реализовать в условиях полной изоляции, а ЕС продолжает выступать крупнейшим торговым партнером Москвы. При этом развитие отношений с Турцией и Израилем после окончания холодной войны позволило России укрепить свой международный имидж и позиционировать себя в качестве державы, способной предлагать альтернативные форматы взаимодействия западным союзникам [23. С. 521]. Энергетический фактор усиливает значение Восточного Средиземноморья: по оценкам, обнаруженные там газовые запасы составляют 47% мирового объема, что может покрыть потребности Европы в газе на три десятилетия и Турции – более чем на пять веков. Однако проект EastMed, обещавший выгоды Греции и греко-киприотской администрации, не получил достаточной поддержки со стороны ЕС и США. Новая ситуация, связанная с соглашением Турции и Ливии, стимулировала пересмотр позиций Израиля, Египта и частично Греции, открывая для Анкары возможности расширения диалога [27. С. 151, 161]. Восточное Средиземноморье превращается в арену, где взаимодействие России с Турцией и Израилем дополняет борьбу за энергетические ресурсы, формируя новые конфигурации регионального влияния и меняя расстановку сил между традиционными и новыми игроками.

Динамика российско-турецких отношений в условиях конфликтной кооперации. Базой российско-турецкого взаимодействия выступает признание взаимных интересов в сфере безопасности, что определяет не только партнерство в Сирии, но и кооперацию, формировавшуюся с середины 1990-х годов. Для этих отношений нехарактерно доверие: куда важнее устойчивые выгоды, возникающие при повторяющихся взаимодействиях [29. С. 6, 22]. Москва и Анкара одновременно действуют как конкуренты и партнеры в сирийском урегулиро-

вании: оставаясь по разные стороны конфликта, они извлекают выгоды из совместного управления ситуацией [25. С. 1274]. Их соперничество всегда сопровождалось осторожностью, а сотрудничество – гибкостью и отсутствием жестких правил. Каждая из сторон занимала оборонительную позицию, но стремилась расширить позитивную повестку на новые сферы, что можно охарактеризовать как «умное выравнивание» и «гибкую конкуренцию» [26. С. 147]. Энергетическое измерение демонстрирует ту же двойственность: проекты и совместные инициативы подтверждают, что конфликт и кооперация развиваются параллельно, а экономическая взаимозависимость придает стратегическую устойчивость двусторонним энергетическим связям [19. С. 248]. Российско-турецкие отношения демонстрируют модель, в которой соперничество и сотрудничество не исключают, а дополняют друг друга, превращая конфликтное взаимодействие в инструмент поддержания стратегического баланса.

Перспективы и рекомендации. Одним из ключевых инструментов улучшения двустороннего инвестиционного климата выступает совместный российско-турецкий инвестиционный фонд (при участии РФПИ), чья миссия заключается в поддержке «процветания экономик» обеих стран, развитии продуктивных связей и поиске взаимовыгодных, доходных проектов в Турции и России. На фоне постпандемийной стагнации 2021 г. вложения российского бизнес-сектора в турецкую экономику превысили 33 млрд долл. США, что подчеркивает востребованность таких механизмов кооперации [16. С. 172, 178]. Совместный инвестиционный фонд и масштаб притока российского капитала в Турцию подтверждают, что экономическая кооперация двух стран выходит за рамки энергетики и становится важным элементом их долгосрочного стратегического партнерства.

Согласно утвержденным планам, к 2035 г. доля возобновляемых источников в структуре первичного энергопотребления России должна увеличиться с нынешних 3,2% до 4,9%. В рамках этого курса предполагается рост установленной мощности солнечных, ветровых и геотермальных объектов до 5,9 ГВт к 2024 г. При этом Россия обладает значительным потенциалом как в возобновляемой энергетике, так и в традиционном топливно-энергетическом секторе, формирующем почти треть национального дохода за счет экспорта углеводородов. Однако постепенное истощение запасов и снижение мирового спроса указывают на то, что это преимущество в перспективе будет сокращаться [30. С. 11, 14]. Стратегия России в сфере энергоперехода отражает противоречие между сохранением доходов от экспорта ископаемого топлива и необходимостью опережающего развития возобновляемых источников, от которого зависит ее долгосрочная конкурентоспособность на мировом энергетическом рынке.

Заключение. Проведенный анализ демонстрирует, что российско-турецкое энергетическое взаимодействие превратилось из набора инфраструктурных проектов в устойчивую архитектуру «конфликтной кооперации», в которой газовые магистрали, ядерные инициативы и логика создания хаба выступают не только экономическими инструментами, но и рычагами перераспределения регионального влияния. Энергетика действует как структурный фактор международных отношений: она задает контуры баланса взаимозависимостью и сдерживанием, между институционализацией и конкуренцией маршрутов, между стратегией ЕС на диверсификацию и курсом Анкары на превращение в распределительный центр.

В этих условиях жизнеспособность партнерства определяется умением сторон управлять асимметриями и рисками: от ценовой и транзитной волатильности до вопросов контроля над стратегической инфраструктурой и политико-правовой легитимности морских разграничений. Для России центральной задачей становится совмещение южно-восточного переориентирования экспортных потоков с ускорением технологического обновления и наращиванием доли ВИЭ, что снижает уязвимость к внешнему спросу и усиливает переговорные позиции. Для Турции стратегический выигрыш обеспечивается не только наращиванием физической пропускной способности и диверсификацией источников, но и институциональным оформлением хаба – прозрачными правилами доступа, тарифообразованием, механизмами хеджирования и согласованием «правил игры» с ключевыми внешними участниками.

Среднесрочная траектория отношений будет зависеть от того, удастся ли сторонам закрепить режим управляемой взаимозависимости: сочетать долгосрочные контракты с гибкостью спотового рынка, увязывать межправительственные договоренности с региональными инициативами в Восточном Средиземноморье и синхронизировать инвестиционные решения с целями энергоперехода. При выполнении этих условий энергетика сохранит роль стержня российско-турецких отношений, а проект формирования газового хаба – потенциал стать не просто логистическим узлом, а системой регулирования потоков, способной смягчать шоки, снижать транзакционные издержки и формировать новую конфигурацию безопасности и развития в геоэкономическом измерении Евразии.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. **Аванесян М.Г., Давтян В.С.** Геоэкономическая стратегия логистической политики Турции в восточнесредиземноморском пространстве // Постсоветский материк. 2022. № 3 (35). DOI 10.48137/23116412_2022_3_57.
2. **Алиев Р.А.** Энергетическая дипломатия в эпоху энергоперехода // Международная аналитика. 2023. Т. 14. № 4. DOI 10.46272/2587-8476-2023-14-4-91-106.
3. **Алимов Б.Х., Пекергин Б.** Энергетические отношения Турции и России на примере газопроводных маршрутов «Голубой поток» и «Турецкий поток» // ELS. 2025. № 31.
4. **Виноградова К.А.** Перспективы сотрудничества России и Турции в энергетической сфере на примере строительства АЭС «Синоп» // Вестник учёных-международников. 2024. № 2 (28).
5. **Войнова А.А.** Перспективы сотрудничества Российской Федерации и Турецкой Республики в газовой сфере // Вопросы студенческой науки. 2024. № 3 (91).
6. **Глинская М.В.** Антироссийские санкции в отечественной нефтегазовой отрасли: проблемы и перспективы // Международная торговля и торговая политика. 2024. Т. 10. № 2 (38). DOI 10.21686/2410-7395-2024-2-123-135.
7. **Ирхин А.А., Москаленко О.А., Кабанова Н.Е., Демешко Н.Э.** Имперское возрождение: соперничество и сотрудничество России и Турции в Черноморском регионе (политико-исторический анализ) // Регионоведение. 2023. Т. 31. № 2. DOI: 10.15507/2413-1407.123.031.202302.214-237.

8. **Коновалова А.Ю.** Энергетическая стратегия Турции // Вестник университета. 2023. № 5.
9. **Куликова И.В., Соленая С.В., Украинцева И.В.** Развитие торгово-экономических отношений России и Турции на современном этапе // Прогрессивная экономика. 2024. № 4. DOI: 10.54861/27131211_2024_4_215.
10. **Маркелова Э.А.** Международный газовый хаб в Турции как новый проект российско-турецкого сотрудничества: возможности и риски // Экономика, предпринимательство и право. 2022. Т. 12. № 12. DOI: 10.18334/err.12.12.116902.
11. **Марков А.А., Терехов А.В.** Россия и Турция: энергетический вектор сотрудничества // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2025. № 2-1 (101). DOI 10.24412/2500-1000-2025-2-1-125-128.
12. **Меньшов А.В.** Турецкий газовый хаб: возможности для Европы и Турции // Современная Европа. 2024. № 1. DOI: 10.31857/S0201708324010169.
13. **Нуриев Б.Д., Поспелов С.В.** Энергетическая политика Турецкой Республики: экспансия в Восточном Средиземноморье // Вестник университета. 2023. № 3.
14. **Парланова А.Т.** Турция vs Египет в Восточном Средиземноморье // Конфликтология / nota bene. 2023. № 2. DOI: 10.7256/2454-0617.2023.2.40119.
15. **Притчин С.А.** Место Центральной Азии и Каспийского региона в энергетической и транспортной стратегии Турции // Геоэкономика энергетики. 2022. № 3 (19). DOI: 10.48137/26870703_2022_19_3_21.
16. **Умаров Х.С.** Инвестиционное сотрудничество России и Турции в современных экономических условиях: форматы взаимодействия // Пространственная экономика. 2022. Т. 18. № 3. DOI: 10.14530/se.2022.3.168-193.
17. **Харитонов Д.В.** Энергетика Большой Евразии: перспективы и достижения // Геоэкономика энергетики. 2023. Т. 21. № 1. DOI 10.48137/26870703_2022_21_1_79.
18. **Хлопов О.А.** Россия в энергетической политике турции // Власть. 2023. № 3.
19. **Akgül P.** Understanding Cooperation in Russian-Turkish Energy Relations // Comparative Southeast European Studies. 2024. Vol. 72. № 2. DOI: 10.1515/soeu-2023-0008.
20. **Arman M.N., Gürsoy B.** Challenges in the Regional Energy Complex of Russia, Ukraine, Turkey, and the European Union // International Journal of Humanities and Social Development Research. 2022. Vol. 6. № 1. DOI: 10.30546/2523-4331.2022.6.1.7.
21. **Bardakçı M.** Is a Strategic Partnership Between Turkey and Russia Feasible at the Expense of Turkey's Relations with the EU and NATO? // Comparative Southeast European Studies. 2021. Vol. 69. DOI: 10.1515/soeu-2021-0001.
22. **Başkan A.** Energy and Natural Resources Policy of the Russian Federation: An International Relations Perspective // Adam Akademi Sosyal Bilimler Dergisi. 2023. Vol. 14. № 2. DOI: 10.31679/adamakademi.1272111.
23. **Birinci E., Sucu A.E., Safranchuk I.A.** The Role of non-Western Countries in the Construction of Russian Great Powerness: The Cases of Turkey and Israel //

- Vestnik RUDN. International Relations. 2021. Vol. 21. № 3. DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-3-517-528.
24. **Caşın M.H., Kısacık S.** Understanding the New Russian Energy Policy After the Crimean Crisis: A Case Study on TurkStream, Power of Siberia, and Nord Stream 2 Natural Gas Projects // UPA Strategic Affairs. 2021. Vol. 2. № 1.
 25. **Cheterian V.** Friend and Foe: Russia–Turkey relations before and after the war in Ukraine // Small Wars & Insurgencies. 2023. Vol. 34. № 7. DOI: 10.1080/09592318.2023.2185443.
 26. **Chouvardas Y.** The Role of Energy in the Strengthening of Turkey-Russia Relations, 2016-2021 // Black Sea and Eastern Mediterranean Review. 2021. Vol. 1. № 2.
 27. **Fırat M.F., Dağ R.** Türkiye’s Desecuritisation of Energy Resources in the Eastern Mediterranean after Russia-Ukraine War // Novus Orbis. Journal of Politics and International Relations = Siyaset Bilimi ve Uluslararası İlişkiler Dergisi. 2023. Vol. 5. № 2.
 28. **Göral E.** The Impact of Energy Security on Turkish Foreign Policy // LAÜ Sosyal Bilimler Dergisi = EUL Journal of Social Sciences. 2023. Vol. XIV. № 1.
 29. **Isachenko D.** Turkey and Russia: the logic of conflictual cooperation. Berlin: Stiftung Wissenschaft und Politik (SWP Research Paper, 7/2021), 2021. DOI: 10.18449/2021RP07.
 30. **Karacan R., Mukhtarov S., Barış İ., İşleyen A., Yardımcı M.E.** The Impact of Oil Price on Transition toward Renewable Energy Consumption? Evidence from Russia // Energies. 2021. Vol. 14. Art. 2947. DOI: 10.3390/en14102947.
 31. **Kaynak A.B.** Energy Security, Armed Conflict and the Limits of Commitment Strategy: EU-Russia Relations and the War in Ukraine // Journal of Applied and Theoretical Social Sciences. 2022. Vol. 4. № 4. DOI: 10.37241/jatss.2022.76.
 32. **Sabbaghian A., Rasooli R.** Stability Analysis of Russia-EU Energy Relations after the Ukraine Crisis from Perspective of the Interdependence Theory // Journal of Central Eurasia Studies. 2021. Vol. 14. № 1.
 33. **Szulecki K., Overland I.** Russian nuclear energy diplomacy and its implications for energy security in the context of the war in Ukraine // Nature Energy. 2023. Vol. 8. DOI: 10.1038/s41560-023-01285-w.

К.А. LARIONOVA

Postgraduate of the Diplomatic Academy
of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation;
JSC Rosatom Energy Projects, Project coordinator,
Moscow, Russia
SPIN-код 7435-7115
ORCID ID 0009-0003-5614-8215

Scientific supervisor:

R.N. SHANGARAYEV

Doctor of Political Science, Candidate of Economic Sciences,
Associate Professor, Associate Professor of the Department
of Strategic Communications and Public Administration, Diplomatic Academy
of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation;
Editor-in-Chief of the journal «Bulletin of
International Scholars,»
Moscow, Russia

FROM THE «TURKISH STREAM» TO A HUB: HOW ENERGY REMAINS THE CORE OF RUSSIAN-TURKISH RELATIONS

This review-analytical article traces the evolution of Russia-Turkey energy relations from the Blue Stream and TurkStream pipelines to Turkey's gas-hub agenda built on expanding national infrastructure. The conceptual basis combines Buzan's regional security complexes, interdependence theory (Keohane, Nye), and a neorealist view of control over critical resources (Waltz). The study shows how sanctions and the disruption of north-western transit corridors curtailed Russia's gas deliveries to Europe and redirected exports toward southern and eastern routes, thereby strengthening Turkey's position as a distribution center and a key actor in competing routes across the Eastern Mediterranean. The paper examines institutional and infrastructural components of a hub model (pipeline networks, LNG capacities, underground storage), the pattern of "conflictual cooperation" between Moscow and Ankara, and nuclear cooperation – most notably the BOO model at the Akkuyu NPP – as a source of both benefits and vulnerabilities linked to ownership of strategic assets within a NATO member state. The analysis identifies conditions for viable managed interdependence: balancing long-term contracts with spot-market flexibility, transparent access and pricing rules, and alignment of investment decisions with energy-transition objectives. The article concludes that energy functions as a structuring factor of bilateral relations and that the hub model has potential as a flow-regulation mechanism reducing transaction costs within the Eurasian geoeconomic context.

Key words: Russia-Turkey energy relations, gas hub, conflictual cooperation, Eastern Mediterranean, EU diversification, nuclear energy, energy transition.